

18+

Дорога домой

ПРАВОСЛАВНЫЕ РАССКАЗЫ

Сергей Медведев

Сергей Медведев

Дорога домой.

Православные рассказы

<https://litres.ru/74268802>

ISBN 9785007052849

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Есть вещи, которые не объяснить — их можно только почувствовать. Тепло от чужой молитвы. Слово, сказанное в нужный момент. Тишина, в которой вдруг становится легче.

Герои этих историй обычные люди: усталые, сомневающиеся, порой сломленные. Но именно в темноте они увидели свет — негромкий, тихий, настоящий.

Эти рассказы — о том, что Бог не приходит с громом и молнией. Он тихо стоит у двери обычного человека в обычный день. Нужно только не пропустить, а почувствовать — и открыть.

Содержание

БАБУШКА НАПРОТИВ	5
ДЕНЬ, КОГДА ИСЧЕЗ ИНТЕРНЕТ	29
Часть 1. Точка невозврата	29
Часть 2. Живые голоса	32
Часть 3. Вечерний свет	35
Часть 4. Разговор в темноте	39
Часть 5. Аналоговое утро	42
Часть 6. Письмо	46
Часть 7. Сигнал	49
ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дорога домой

Православные рассказы

**Сергей Максимович
Медведев**

© Сергей Максимович Медведев, 2026

ISBN 978-5-0070-5284-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данные произведения являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными событиями и лицами случайны.

БАБУШКА НАПРОТИВ

Зеленая пластмассовая лейка с длинным узким носиком всегда стояла на одном и том же месте — на внешнем отливе окна четвертого этажа. Окно было старое, в три треснувших слоя окрашенное когда-то белилами, которые теперь шелушились и осыпались мелкими чешуйками на серый бетонный карниз.

Кирилл знал это окно наизусть. Его собственный письменный стол стоял как раз напротив, у стекла, и когда в голове окончательно путались формулы тригонометрии или просто надоедало смотреть в мерцающий экран телефона, взгляд сам собой упирался в этот прямоугольник через узкий дворовый проезд. Двор у них был типичный для окраины Питера — «колодец» не «колодец», но три девятиэтажки стояли так близко, что при желании можно было разглядеть, какую передачу смотрят соседи по телевизору.

В окне напротив телевизора не было. Там горела слабая желтая лампочка под старым тканевым абажуром с бахромой. А еще там жила Глюк.

Так Кирилл прозвал соседку еще прошлым летом. Ему казалось, что у старухи явно какой-то системный сбой в процессоре. Ну кто в здравом уме будет в тридцать градусов жары стоять на балконе в шерстяном платке и вязаных носках, по полчаса разглядывая обычного сизого голубя? Или зачем

почти каждый день, ровно в двенадцать, выносить на подоконник старую жестяную банку из-под чая «со слоном» и бережно протирать ее тряпочкой, словно это не мусор, а кубок чемпионов мира?

— Опять твоя бабка зависла, — ухмыльнулся как-то Дрон, его одноклассник, заглянувший списать физику. — Она у тебя вместо барометра? Если вышла в платке — к дождю?

— Да ну её, — буркнул тогда Кирилл, задвигая шторку. — Странная какая-то. Ходит, улыбается сама себе. Жутковато даже.

В свои пятнадцать лет Кирилл ценил в людях понятность. Понятными были пацаны со двора, понятными были блогеры из подписок, даже вечно раздраженный отец, который приходил с работы, молча съедал ужин и утыкался в новости, был понятен. Отец уставал. Мать, которая вечно суежилась, говорила по телефону и требовала от Кирилла «взяться за ум», тоже укладывалась в привычную схему. А вот старуха напротив в эту схему не лезла. Она казалась осколком какого-то другого, давно затонувшего материка, который непонятно зачем держался на плаву в их бетонном сером море.

Все изменилось в один из тех сырых ноябрьских вечеров, когда город кажется вымытым дешевым серым мылом. С неба сыпалась не то крупа, не то холодная пыль. В подъезде пахло мокрой псиной и квашеной капустой из чьей-то приоткрытой двери.

Кирилл возвращался из магазина. Мать отправила его за молоком и хлебом, наказав «не копаться». Он шел, натянув капюшон по самые брови, слушая в наушниках тяжелый, монотонный бит, отсекающий звуки улицы. На четвертом этаже их подъезда — а планировка домов была зеркальной — перегорела лампочка. Темнота стояла густая, хоть пальцем ткни.

Кирилл ступил на площадку, ориентируясь по памяти, и вдруг обо что-то сильно споткнулся.

Раздался короткий, негромкий вскрик, шорох рвущейся бумаги и глухой стук катящихся по бетонным ступеням круглых предметов. Наушники вылетели из ушей.

— Ой, батюшки... — донесся снизу тихий, чуть дребезжащий голос. — Простите, ради Бога, темноту как...

Кирилл чертыхнулся про себя, нашарил в кармане телефон и включил фонарик. Яркий белый луч выхватил кусок серой лестницы, разорванный бумажный пакет из «Пятерочки» и рассыпавшиеся мелкие, желто-красные яблоки. Они раскатились по всей площадке и теперь сиротливо жались к углам.

В углу, прислонившись спиной к пыльной стене, стояла Глюк. В своем неизменном сером пальто, из-под которого виднелся подол длинной юбки, и в пуховом платке, завязанном под подбородком. В руках она сжимала сиротливые пустые ручки от порвавшегося пакета. В луче фонарика её лицо показалось Кириллу совсем маленьким, сморщенным,

как те самые яблоки, и очень бледным.

«Ну вот, попал», — подумал Кирилл, ожидая лавины старческого гнева, криков о «нынешней молодежи» и угроз вызвать полицию. Он уже приготовился огрызнуться, но старушка вдруг неловко улыбнулась и прикрыла глаза рукой от яркого света.

— Ой, сынок, ты не свети так в глаза-то, слепенькая я... Ты не ушибся?

Кирилл растерялся.

— Да нет... Я-то ладно. Вы как?

— Да я-то что, старая кость, — она тихонько рассмеялась, и этот смех прозвучал удивительно легко, почти по-детски. — Вот яблочки только... Это антоновка, соседка с дачи привезла. Душистые какие, слышишь? Весь подъезд теперь пахнет.

Кирилл принялся. Сквозь привычные запахи сырости действительно пробился резкий, холодный и невероятно чистый аромат свежих осенних яблок. На мгновение ему показалось, что они стоят не в темном грязном подъезде, а где-то в саду.

— Давайте соберу, — буркнул он, чувствуя себя виноватым.

Он опустился на корточки, подсвечивая себе телефоном, и стал собирать яблоки.

Они были холодными, влажными и твердыми.

— Спасибо тебе, милый, — старушка тоже попыталась на-

клониться, но тяжело охнула и схватилась за колено.

— Да вы стойте, я сам, — уже мягче сказал Кирилл. — Куда их складывать-то? Пакет всё, порвался.

— А давай в капюшон твой? Или в карманы? — предложила она с такой живой практичностью, что Кирилл невольно хмыкнул.

— В карманы не влезут. Давайте я их так, в горсть, тут идти-то... Вы на каком живете? На четвертом?

— На четвертом, сынок. Напротив твоих окон. Я ведь тебя знаю, ты Кирилл. Часто у окна сидишь, пинешь что-то или в коробочку свою смотришь. А я Анна Семеновна.

Кирилл почувствовал, как уши обдало жаром. Оказывается, это не только он за ней наблюдал.

Они поднялись к её двери. Анна Семеновна долго шуршала ключами в связке, никак не попадая в замочную скважину. Кирилл терпеливо стоял рядом, держа в охапке яблоки. От старушки пахло чем-то очень старым, но приятным — сушеной травой и простым мылом.

Наконец дверь со скрипом отворилась.

— Заходи, заходи, сынок. Негоже на пороге-то. Я сейчас пакет найду или миску какую.

Кирилл нерешительно переступил порог.

Прихожая была крошечной. Под потолком горела та самая тусклая желтая лампочка, которую он видел из своего окна. На стене висело круглое зеркало в потемневшей деревянной раме, а под ним — узкий столик-консоль, покрытый вязаной

салфеткой.

На салфетке лежала расческа со сломанным зубцом и стояла маленькая иконка в серебряном окладе, перед которой теплилась крошечная красная лампадка. От этого огонька по стенам ползли тихие, мягкие тени.

— Вот сюда, на стол клади, — Анна Семеновна вынесла из комнаты большую глиняную миску.

Кирилл бережно высыпал яблоки. Они глухо застучали по глине, заполняя прихожую тем самым густым, яблочным ароматом.

— Вот и славно, вот и сберегли, — старушка ласково погладила одно из яблок ладонью. Рука у нее была удивительная: сухая, с крупными узловатыми суставами и тонкими, почти прозрачными ногтями, но двигалась она с какой-то особенной, бережной грацией. — Ну, спасибо тебе, Кирилл. Без тебя я бы тут до утра их искала. Замерз, поди? Чайку попьешь со мной? У меня и сушки есть, горчичные, хрустящие.

Кирилл хотел отказаться — дома ждал ужин, компьютер, незаконченная игра, да и вообще, глупо это как-то: чаевничать со старухой. Но в этот момент в его кармане пискнул и окончательно погас телефон. Разрядился. Без привычной тяжести светящегося экрана в руке Кирилл вдруг почувствовал себя странно незащищенным. А в квартире Анны Семеновны было так тепло, и пахло этим странным чаем с травами, что он неожиданно для себя кивнул:

— Ну... давайте. Только ненадолго. А то мама потеряет.

— Да мы быстро, — обрадовалась она. — Разувайся, вот тапочки. Они, правда, дедовские, большие, но чистые.

Тапочки оказались огромными суконными чувяками, в которых ноги Кирилла утонули.

Он прошел за хозяйкой на кухню.

Кухня была размером с коробку от холодильника, но здесь всё стояло на своих, веками насиженных местах. На окне — та самая зеленая лейка. На столе — чистая клеенка в мелкий цветочек. На плите свистел старый эмалированный чайник с трещиной на боку.

— Садись, садись, — Анна Семеновна указала на табурет, покрытый мягким ковриком.

Она суежилась у плиты, и Кирилл заметил, что двигается она тяжело, прихрамывая на правую ногу, но при этом без всякого вздоха или жалобы. Наоборот, она словно вела какой-то беззвучный, радостный диалог со своими вещами: аккуратно придерживала закипевший чайник, ласково касалась заварного чайника, доставала чашки с такой осторожностью, словно это были драгоценные реликвии.

Чашки, кстати, были забавные — тонкие, белые, с синими цветочками-незабудками, но у одной не хватало ручки, а у другой край был аккуратно обточен напильником, чтобы не колосся.

— Вот, держи, — она поставила перед ним безрукую чашку, налив в нее темный, пахучий настой. — Это иван-чай с душицей. Сама летом собирала, когда к племяннице в дерев-

ню ездила. Пей, он силу дает.

Кирилл сделал глоток. Чай был обжигающе горячим, терпким и неожиданно вкусным.

Совсем не похож на тот химический чай из пакетиков, который они пили дома.

— Вкусно, — признался он.

— На здоровье, сынок, на здоровье, — Анна Семеновна села напротив, обхватив свою чашку обеими ладонями. Она смотрела на него теплыми, чуть слезящимися серыми глазами, и в этих глазах не было того липкого, любопытного старушечьего

взгляда, которого Кирилл всегда опасался. Это был взгляд человека, который просто рад гостю. Просто так.

— Анна Семеновна, — не утерпел Кирилл, кивнув на окно. — А зачем вы банку жестяную каждый день протираете? Ну, ту, на подоконнике? Я из окна вижу.

Старушка на мгновение замерла, а потом тихо, заливисто рассмеялась.

— Ах, вот ты о чем! Заметил-таки... А это, Кирилка, не просто банка. Это моя память. Мне её муж, Ванечка, подарил в сорок шестом году. В ней тогда чай был настоящий, индийский, представляешь? Роскошь невиданная. Мы его по крупичкам пили, только по праздникам. Ванечки уже сорок лет как нет, а банка жива. Я в ней шиповник сушеный держу. Протру её утром — и будто с Ванечкой поздоровалась. День и начался.

Она говорила об умершем муже без скорби, без этого привычного, надрывного вздоха, который Кирилл часто слышал от взрослых, когда те заговаривали о покойниках. Она говорила о нем так, словно он просто ушел в магазин за хлебом и скоро вернется.

— А... вы давно тут живете? — спросил Кирилл, разглядывая старые обои с блеклыми вертикальными полосами.

— Всю жизнь, считай, — тихо ответила она, глядя в свою чашку. — Как этот дом в пятьдесят восьмом построили, так мы сюда из коммуналки и въехали. Счастье-то какое было — своя кухня! Своя ванна! Мы с Ванечкой в первый вечер прямо на полу спали, на матрасе, а окна не занавешивали — на звезды смотрели.

— А дети? — спросил Кирилл и тут же прикусил язык. Ему показалось, что он спросил что-то лишнее, запретное.

Анна Семеновна не изменилась в лице, только взгляд её на секунду уплыл куда-то сквозь стену, туда, где за окном шумел сырой ноябрьский вечер.

— Была доченька. Леночка. В сорок третьем родилась, в самую голодуху. Да только не выжила... Сладенькая была, слабенькая. Полтора годика всего пожила. Бог дал, Бог и взял.

В крошечной кухне повисла тишина. Кирилл слышал, как монотонно и тяжело тикают в комнате настенные часы — «тук... тук... тук...». Ему стало ужасно неловко. В его представлении человек, потерявший ребенка, переживший вой-

ну, должен был быть либо сломленным, злым на весь мир, либо постоянно плакать. А эта старушка сидела перед ним, грела руки о треснувшую чашку и улыбалась блеклому свету лампочки.

— Как же вы... — Кирилл не договорил, но она поняла.

— Как живу-то? — она мягко посмотрела на него. — Да радостно, Кирилка. Радостно.

Жизнь — она ведь такая длинная, и в ней столько всего хорошего было. И сейчас есть. Вот ты пришел, яблоки мне помог собрать. Чай мы с тобой пьем. Разве это не радость? А завтра солнышко выйдет — опять радость.

— Да какое солнышко, ноябрь же, — буркнул Кирилл, вспомнив серую кашу под ногами на улице. — Слякоть одна. И вообще... всё какое-то серое. Школа эта дурацкая, экзамены скоро. Родители вечно орут. Тоска.

Анна Семеновна тихонько покачала головой, и бахрома её платка качнулась в такт движению.

— Эх, сынок... Серое — это ведь тоже цвет. Красивый цвет, благородный. У Бога вообще плохих красок нет. Вот ты приглядишься завтра к небу. Оно ведь не просто серое. Оно то серебряное, то как жемчуг, то как перламутр в ракушке. Земля отдыхает, спать укладывается. Зачем же на нее сердиться? Ей тоже тяжело всю весну и лето для нас трудиться.

Кирилл посмотрел на нее с легким сомнением, но спорить не стал. Чай был допит, пора было идти.

Когда он уже стоял в прихожей и обувал свои кроссовки,

Анна Семеновна протянула ему два больших, пахучих антоновских яблока.

— Это тебе, Кирилка. Одно маме отдай, другое сам съешь. Маму-то не серди. Орут они с отцом от усталости, от страха за тебя. Любят ведь.

Кирилл взял яблоки. Они были тяжелыми и теплыми от её рук.

— Спасибо, Анна Семеновна. Я... я пойду.

— Иди, милый, иди. С Богом.

Дома его действительно ждал разбор полетов.

— Где тебя носит?! — с порога накинулась мать, стоявшая у плиты. — Хлеб где?

Телефон выключен! Мы тут с отцом уже все больницы обзвонить хотели!

Отец, сидевший за столом с планшетом, даже не поднял головы, только тяжело вздохнул и шумно перевернул страницу в электронной газете.

— Да телефон сел, — тихо сказал Кирилл, разуваясь. — Я это... соседке помогал с четвертого этажа. У нее пакет порвался, яблоки рассыпались. Она меня чаем напоила.

Мать замерла с половником в руке.

— Какой соседке? Это Анне Семеновне, что ли? Из дома напротив?

— Ну да.

— А-а... — мать как-то сразу обмякла, гнев её улетучился, уступив место привычной усталости. — Она хорошая ста-

рушка. Одинокая только очень. Муж давно умер, родственники далеко где-то... Ты молодец, Кирилл, что помог. А то я думала, ты только в свой компьютер пялиться умеешь.

Кирилл молча выложил на стол два яблока. Они легли на дешевую пластиковую скатерть яркими, золотисто-зелеными шарами.

— Это она вам... то есть нам передала. Антоновка.

Мать подошла, взяла одно яблоко, поднесла к лицу и неожиданно глубоко, со вздохом, втянула носом воздух.

— Батюшки... Как у бабушки в деревне пахнет. Настоящие... Отец, глянь, какие яблоки.

Отец оторвался от планшета, посмотрел на яблоко, потом на Кирилла. В его усталых глазах на мгновение промелькнуло что-то теплое, давно забытое.

— Да, — тихо сказал отец. — Хорошие яблоки. Сейчас таких в магазине не купишь.

Одна пластмасса.

В этот вечер дома почему-то никто не кричал. Даже телевизор отец включил потише. Кирилл сидел у себя в комнате, делал уроки и время от времени поглядывал в окно напротив. Там горел тихий, желтый свет под тканевым абажуром. Теперь этот свет не казался ему странным или чужим. Он казался... живым.

Зима в тот год пришла рано. Уже в начале декабря город завалило тяжелым, мокрым снегом, который быстро превратился в грязную кашу на дорогах. Для Кирилла началось са-

мое унылое время: бесконечные контрольные, подготовка к ОГЭ, от которой уже тошнило, и серое, вечно сумеречное небо, в котором солнце не появлялось неделями.

Но теперь у него появился свой ритуал. Каждое утро, перед тем как выйти в школу, он подходил к окну и смотрел на четвертый этаж напротив. Если на подоконнике стояла жестяная банка «со слонем», значит, все в порядке. Анна Семеновна проснулась, протерла свою память, и день начался. Иногда он замечал её саму — она кормила синиц на балконе, аккуратно выкладывая семечки на деревянную дощечку. Она видела его, махала маленькой сухой ручкой, и Кирилл махал ей в ответ.

Пацаны во дворе теперь не смеялись над «барометром». Как-то Дрон попытался было пошутить, но Кирилл так на него посмотрел, что тот сразу замолчал и перевел разговор на другую тему.

Два раза за декабрь Кирилл заходил к ней просто так. Один раз принес пакет молока и полбуханки «Дарницкого» — заметил, что на улице гололед, и старушке тяжело ходить. Второй раз просто зашёл починить старый электрический чайник, у которого отошел контакт. Чинить там было нечего — подкрутить один винтик, но Анна Семеновна радовалась так, словно он подарил ей новый космический корабль.

Она снова поила его чаем с душицей, угощала простым печеньем и рассказывала.

Рассказывала удивительно просто, без надрыва и пафоса.

Из её рассказов Кирилл постепенно, как из мозаики, складывал картину её жизни. Он узнал, что в сорок первом ей было всего тринадцать лет. Что жили они тогда на Васильевском острове.

— Знаешь, Кирилка, — тихо говорила она, глядя на огонек лампы в прихожей (из кухни его тоже было видно). — Страшно не тогда было, когда бомбили. К бомбежкам-то человек быстро привыкает. Страшно было, когда тишина наступала. И холод. Такой холод, сынок, что, кажется, даже мысли в голове замерзали и со звоном бились.

— А как же вы выжили? — Кирилл сидел замерев, боясь шевельнуться, чтобы не спугнуть её воспоминания.

— А Бог уберег, — просто ответила она. — И люди. Люди у нас в коммуналке золотые были. Вот помню, зимой сорок второго заболела я сильно, цинга уже начиналась, зубы шатались, ноги не держали. Лежу на сундуке, укрытая всем, что было, и думаю: ну всё, отжила своё Анечка. И тут приходит соседка наша, тетя Паша. Сама прозрачная, качается от голода. И протягивает мне... луковицу. Маленькую такую, проросшую уже, зелененькое перышко из нее лезет. Где она её взяла — ума не приложу. Сама ведь умирала. «На, — говорит, — Анюта, поешь. Тебе жить надо, ты молодая». Я эту луковицу по крошечке ела, три дня сосала. И выжила. А тетя Паша к весне преставилась... Вот я всю жизнь за нее молюсь. Каждое утро. Как же мне на жизнь обижаться, если за меня человек свою жизнь отдал?

Кирилл смотрел на её руки, держащие чашку, и внутри у него что-то тихо переворачивалось. Это было не то жалостливое чувство, которое выжимают слезливые фильмы. Это было глубокое, строгое изумление перед силой, которая помещалась в этом маленьком сгорбленном теле.

— А вы... вы не боитесь умереть? — вдруг спросил он и сам испугался своего вопроса.

Анна Семеновна посмотрела на него удивленно, а потом опять улыбнулась своей светлой, детской улыбкой.

— Да чего же бояться-то, глупенький? Смерть — это ведь просто дверь. Туда все уйдем. Там меня мои все ждут — и мамочка, и папа, и Ванечка мой, и Леночка... Я по ним соскучилась уже. Только торопиться не надо. Бог сам знает, когда позвать. А пока здесь живу — радоваться надо. Каждый день ведь — это подарок. Вот проснулась утром, ножки ходят, глазки видят — слава Тебе, Господи! Чайку попила, птичек покормила — опять радость. Чего же унывать-то?

Кирилл уходил от нее с каким-то странным чувством легкости. Проблемы в школе, которые еще час назад казались ему концом света, вдруг съеживались, становились мелкими и вполне решаемыми. Если человек выжил на одной луковичке в промерзшем Ленинграде и сохранил такую душу, то неужели он, здоровый, сытый лоб, не сдаст эту несчастную математику?

Перед самым Новым годом, числа двадцать восьмого, ударили сильные морозы. Градусник за окном опустился до ми-

нус двадцати пяти. Окна в подъездах покрылись густыми ледяными узорами, а провода между домами натянулись и гудели на ветру, как струны.

Утром Кирилл, как обычно, подошел к окну.

Окно на четвертом этаже напротив было темным. И железной банки на подоконнике не было.

«Наверное, спит еще, — подумал Кирилл, натягивая свитер. — Холодно ведь, темно».

Но когда он вернулся из школы в три часа дня, окно всё так же оставалось темным и пустым. Синицы сиротливо кружили возле пустой кормушки на балконе, но никто к ним не выходил.

Внутри у Кирилла неприятно екнуло. Будто старый, давно не смазанный замок со скрипом повернулся в груди.

— Мам, — крикнул он с порога. — А ты Анну Семеновну сегодня не видела?

Мать, суетившаяся с покупками к праздничному столу, отмахнулась:

— Какую Анну Семеновну? Не знаю, сынок, не до нее сейчас. Иди вон, картошку почисти, работы непочатый край.

Кирилл почистил картошку, но мысли его были далеко. Он то и дело подходил к окну. В сумерках дом напротив казался огромным серым ледяным замком, и только одно окно — то самое — выделялось своей глухой, мертвой темнотой. В пять вечера он не выдержал.

— Я в магазин, — крикнул он родителям, на ходу натя-

гивая куртку.

— Да куда ты, мы же всё купили! — донеслось из кухни, но Кирилл уже захлопнул дверь.

Он бежал через двор, проваливаясь в некошенный снег. Ветер больно колотил лицо ледяными иголками. В подъезде дома напротив пахло холодом и цементом. Лифт, как назло, не работал — на дверях висела фанерка с надписью «Ремонт».

Кирилл взлетел на четвертый этаж за несколько секунд, даже не запыхавшись. Замер перед знакомой обитой дерматином дверью. Сердце колотилось где-то в самом горле.

Он нерешительно нажал на кнопку звонка. За дверью раздался знакомый, чуть дребезжащий треск. Тихо. Никаких шагов.

Кирилл позвонил еще раз, длинно, тревожно.

— Анна Семеновна! — позвал он прижавшись ухом к холодной обивке. — Это Кирилл! Откройте!

Изнутри донесся какой-то слабый, неразборчивый шорох. Потом что-то глухо стукнуло, словно упал тяжелый предмет.

Кирилл дернул ручку — дверь неожиданно оказалась незапертой. Она медленно, со скрипом отворилась внутрь темной прихожей.

Здесь было очень холодно. Намного холоднее, чем обычно. Лампадка перед иконой не горела, и в углу стоял густой полумрак.

— Анна Семеновна! — Кирилл сделал шаг внутрь, нащупывая выключатель.

Свет вспыхнул, заливая прихожую тусклым желтым сиянием.

На полу, прямо у входа в комнату, лежала Анна Семеновна. Она была в своем сером пальто, но без платка. Её седые, жидкие волосы растрепались. Одна рука была прижата к груди, а другая бессильно вытянута вдоль тела. Рядом лежала та самая жестяная банка «со слоном», из нее веером рассыпались сухие, сморщенные плоды шиповника.

— Анна Семеновна! — Кирилл бросился к ней, опустился на колени.

Лицо старушки было белым, почти прозрачным, губы посинели от холода. Она дышала, но очень часто и поверхностно, со свистом выдавливая воздух из груди. Глаза её были полуоткрыты, но взгляд казался мутным, нефокусирующимся.

— Кирилка... — едва слышно прошептала она. Рука её чуть дрогнула, пытаясь приподняться. — Холодно-то как... Ножки не идут совсем...

Кирилл испугался так, как не боялся никогда в жизни. В его голове закружился вихрь панических мыслей: «Что делать? Скорая! Надо звонить в скорую!»

Он судорожно вытащил телефон. Пальцы не слушались, скользили по стеклу экрана.

— Алло! Алло! Скорая? Тут человеку плохо... Старушка... Да, адрес... улица Кораблестроителей, дом двенадцать, квартира сорок восемь... Да, четвертый этаж! Лифт не ра-

ботаает! Быстрее, пожалуйста, она замерзает!

Он сбросил вызов.

— Сейчас, Анна Семеновна, сейчас... Скорая приедет, — Кирилл бережно взял её за руку. Рука была ледяной, как со-
сулька.

Он огляделся. На вешалке висело старое шерстяное оде-
яло. Кирилл сорвал его, накрыл старушку, подоткнув края
под бока.

— Вы только не молчите, ладно? Говорите со мной.

Она попыталась улыбнуться, но губы её только дрогнули.

— Не бойся, милый... Всё хорошо. Бог не оставит. Смот-
ри... как красиво...

Она указала глазами на потолок прихожей. Там, от улич-
ного фонаря через щель в занавеске, лежал странный, зыб-
кий узор из теней от ветвей березы, качающейся на ветру.
Тени двигались плавно, словно танцевали какой-то медлен-
ный, таинственный танец.

— Красиво, — послушно повторил Кирилл, чувствуя, как
у него перехватывает дыхание от страха и жалости. Ему хо-
телось кричать, звать на помощь, но он понимал, что сейчас
нужно быть сильным. Для нее.

Он сел на пол прямо рядом с ней, взял её ледяные ладони
в свои теплые ладони и стал греть их, дыша на пальцы.

— Вы держитесь, Анна Семеновна. Вы ведь сильная. Вы
войну пережили. Луковицу эту... помните? Тетю Пашу? Вы
же обещали мне, что весной солнце будет. Мы еще чай пить

будем. С сушками. Помните?

Она смотрела на него своими блеклыми глазами, и в них постепенно, очень медленно, возвращалась жизнь. Тепло его рук словно передавалось ей.

— Помню, Кирилка... Все помню. Хороший ты какой... Господи, спаси тебя...

Они сидели так минут двадцать, которые показались Кириллу вечностью. Он грел её руки, говорил какую-то чепуху — про школу, про то, что скоро Новый год, про то, что отец обещал купить ему новые лыжи... Он говорил без умолку, только бы не дать этой тишине снова заполнить квартиру. А сам про себя — неумело, без слов, просто какими-то внутренними толчками души — просил: «Пожалуйста, пусть она живет. Пожалуйста. Помоги ей, Господи. Она ведь такая... она ведь радостная».

Наконец внизу, на лестнице, послышался тяжелый топот ног, хлопанье дверей и громкие голоса.

— Сюда! — закричал Кирилл, выбегая на площадку. — На четвертый! Квартира сорок восемь!

В подъезд ввалились двое врачей в синих куртках с чемоданчиками. За ними, тяжело дыша, поднимался... отец Кирилла.

— Кирилл! — отец подбежал к нему, схватил за плечи. — Мать сказала, ты сюда побежал... Что тут?

— Тут Анна Семеновна... Она на полу... Ей плохо, — Кирилл едва не плакал от облегчения.

Врачи быстро прошли в квартиру. Один из них, плотный мужчина с усталыми глазами, сразу опустился около старушки, доставая стетоскоп и аппарат для давления.

— Так, молодой человек, отойдите, не мешайте, — командовал он Кириллу. — Давление низкое... Переохлаждение... Инсульта вроде нет, но подозрение на пневмонию. Срочно в стационар.

Второй врач, женщина, быстро набирала что-то в шприц. Отец прижал Кирилла к себе. Кирилл почувствовал, какая у отца широкая, надежная грудь и как сильно бьется его сердце.

— Ты молодец, сын, — тихо, на ухо сказал отец. — Время пришел. Еще бы пару часов — и всё...

Анну Семеновну унесли на носилках. Кирилл с отцом помогали спускать её по темной лестнице — лифт так и не починили. Старушка лежала, укутанная в одеяла, из-под которых виднелся только кончик её бледного носа. Перед тем как её загрузили в желтую машину скорой помощи, она на секунду приоткрыла глаза, нашла взглядом Кирилла и слабо, едва заметно шевельнула пальцами.

Машина уехала, мигая синим маячком в морозной темноте двора.

Кирилл стоял на снегу без шапки — забыл в суматохе — и смотрел ей вслед.

Отец подошел сзади, набросил на его голову капюшон. — Пойдем домой, герой. Замерз совсем. Мама там уже с

ума сходит.

Они шли через двор молча. Снег под ногами звонко хрустел. Воздух был таким чистым и колючим, что казался осязаемым. Кирилл поднял голову. Небо над их «колодцем» очистилось от туч, и сквозь морозную дымку проступили крупные, яркие звезды. Они мерцали тихо и торжественно, словно праздничные свечи.

— Пап, — тихо сказал Кирилл. — А небо ведь красивое. Не просто темное. Оно... как перламутр.

Отец остановился, тоже поднял голову, долго смотрел вверх, засунув руки в карманы куртки.

— Да, — тихо согласился он. — Красивое. Давно я на звезды не смотрел. Всё под ноги гляжу... Пойдем, сын. Мама нас ждет.

Новый год они встретили тихо. Мать наготовила кучу всего, но за столом не было привычного телевизионного шума. Отец сам выключил телевизор, предложив просто послушать музыку. Они разговаривали. Оказалось, что у отца на работе всё не так уж плохо, просто он очень устал, а мама давно мечтает поехать летом на Ладогу, пожить в палатках.

Кирилл слушал их и улыбался. Ему казалось, что в их квартире поселился тот самый тихий, теплый свет, который он так долго видел в окне напротив.

А седьмого января, на Рождество Христово, они поехали в больницу.

Больница была старая, на окраине города. В палатах пахло

хлоркой и вареной капустой.

Анна Семеновна лежала у окна. Она выглядела гораздо лучше — щеки чуть порозовели, на голове был чистый белый платочек, который ей привезла племянница, спешно приехавшая из деревни.

Когда Кирилл, отец и мать вошли в палату, она прямо-таки просияла.

— Батюшки мои! — всплеснула она руками. — Гости какие! Да всем семейством!

Отец неловко поставил на тумбочку тяжелый пакет с мандаринами и соком.

— Вот, Анна Семеновна... Наведаться решили. Как вы тут?

— Да слава Богу, слава Богу, милые мои! — она прямо светилась радостью. — Кормят хорошо, врачи такие вежливые, золотые просто люди. А уж окно у меня какое тут — смотрите!

Она указала рукой на больничное окно. За стеклом, на ветке старого клена, сидела целая стая красногрудых снегирей. Они казались спелыми, яркими яблоками на фоне белого январского снега.

— Какая красота, а? — восхищенно прошептала Анна Семеновна. — Я их с утра разглядываю. Настоящее рождественское чудо. Господь мне такую радость послал!

Мать Кирилла вдруг тихо шмыгнула носом, подошла к кровати, села на край и бережно взяла старушку за руку.

— Спасибо вам, Анна Семеновна, — тихо сказала она.

— За что же, деточка? — удивилась та.

— Да за всё... За Кирилла. За яблоки. За то, что вы есть.

Анна Семеновна ласково погладила её по руке своей сухой, узловатой ладонью.

— Ну что ты, что ты... Жить надо, радоваться. Бог-то ведь нас любит. Всех нас любит, глупеньких.

Кирилл стоял у окна, глядя на снегирей. Один из них, самый яркий, с густо-красной грудкой, вдруг повернул голову и посмотрел прямо на него круглым, блестящим глазом. А потом легко взмахнул крыльями и взлетел вверх, в прозрачное, пронзительно-синее январское небо.

Внутри у Кирилла было тихо и тепло. Он знал, что впереди еще долгая зима, сложные экзамены, холодные питерские ветры и серые будни. Но теперь он точно знал: серое — это тоже цвет. Красивый, благородный цвет. Цвет земли, которая просто отдыхает перед тем, как снова расцвести.

Конец

ДЕНЬ, КОГДА ИСЧЕЗ ИНТЕРНЕТ

Часть 1. Точка невозврата

Красный светодиод на боку роутера не горел. Он не мигал предупреждающим оранжевым, не подмигивал суетливо-зеленым. Он просто погас, став похожим на крошечный мертвый глаз из дешевой пластмассы.

Артем нажал кнопку сброса один раз, затем второй, подержал десять секунд, как учили в службе поддержки. Ничего не изменилось. Он выдернул черный шнур из розетки, подождал, глядя на свои бледные пальцы, и воткнул обратно. Роутер остался глух и нем.

— Да ладно, — выговорил Артем в пустоту тридцатиметровой съемной квартиры.

Собственный голос показался ему странно плоским и слишком громким. В этой квартире, затерянной на третьем этаже кирпичной пятиэтажки в Юрьеве-Польском, звуки вообще вели себя иначе, чем в Москве. Они не растворялись в гуле проспектов, а падали на старый рассохшийся паркет с отчетливым сухим стуком.

Артем взял со стола телефон. Пять полосок связи в верхнем углу экрана сменились сиротливым крестиком. «Нет сети». Он провел пальцем сверху вниз, обновил экран. Белый

кружок ожидания покрутился секунды три и замер.

Он вышел на балкон. На улице стоял блеклый ноябрьский полдень. Город лежал тихий и неторопливый, укрытый тонким, как марля, первым снегом. Снег не таял, но и не ложился по-настоящему, а лишь подчеркивал черноту сырых ветвей и серый бетон тротуаров. Через дорогу, у ворот Михайло-Архангельского монастыря, стоял экскурсионный автобус. Несколько человек с фотоаппаратами растерянно топтались у закрытых ворот, глядя в свои экраны. Один из них, мужчина в яркой красной куртке, поднял телефон высоко над головой, словно пытался поймать невидимую птицу.

«У всех легло», — понял Артем.

Внутри шевельнулось неприятное, щекочущее чувство — так бывает, когда на полной скорости в лифте внезапно гаснет свет. Его рабочий день должен был начаться двадцать минут назад. На удаленке в крупном агентстве секундная задержка ответа в рабочем чате приравнивалась к дезертирству. Артем представил, как сейчас на той стороне экрана — в теплых московских офисах, где, наверное, всё работает — беснуется его арт-директор Слава. «Тёма, где макеты? Тёма, почему молчишь? Тёма, у нас правки по креативам!»

А Тёма стоял на балконе в старом шерстяном свитере с вытянутыми локтями и смотрел, как по переулку медленно идет бродячий рыжий кот, оставляя на мокрой снежной пудре крошечные крестики следов.

Телефону в кармане было незачем вибрировать. Он ле-

жал там тяжелым, холодным бруском бесполезного кремния и стекла.

Артем вернулся в комнату, сел на диван и положил руки на колени. Было ровно двенадцать часов дня. В это время он обычно уже успевал пролистать три новостные ленты, ответить на десяток писем, поругаться в комментариях под каким-нибудь постом об урбанистике и заказать доставку еды.

Сейчас делать было абсолютно нечего.

Тишина в квартире сгустилась, став почти осязаемой, как остывший кисель. Артем слышал, как за стеной у соседей негромко, методично бьет по кастрюле ложка — кто-то мешал суп. Чуть дальше, этажом ниже, глухо бубнил телевизор — видимо, старая аналоговая антенна еще справлялась с трансляцией.

Он попробовал почитать книгу, которую привез с собой и так и не открыл за три недели — какой-то модный роман в яркой обложке. Но глаза скользили по строчкам, не цепляясь за смысл. Мозг, привыкший к короткой, рваной информации из соцсетей, отказывался складывать длинные предложения в образы. На третьей странице Артем поймал себя на том, что пытается «кликнуть» пальцем на фамилию персонажа, чтобы посмотреть его профиль.

Он чертыхнулся, закрыл книгу и решил выйти на улицу. Надо было узнать, что произошло. В конце концов, в городе должен быть хоть какой-то работающий узел связи.

Часть 2. Живые голоса

На улице было шумно — непривычно, шумно по-особому. Обычно сонный Юрьев-Польский в этот час казался вымершим: редкие прохожие спешили по делам, уткнувшись в воротники и экраны. Теперь же люди стояли группами прямо на тротуарах.

У дверей продуктового магазина «Ромашка» собралась небольшая толпа. Артем подошел ближе, замедляя шаг.

— Да я вам говорю, это на подстанции кабель перебило! — горячился мужчина в засаленной кожаной куртке, судя по запаху — местный таксист. — Трактор у моста ров копал под газовую трубу, ну и рванул оптику. Теперь пока из Владимира бригаду дожدهшься, пока спаяют...

— Какую оптику, Михалыч? — отмахнулась от него женщина в пуховике с капюшоном из искусственного меха. — У меня и мобильной связи нет! Вообще никакой. Телефоны мертвые. Это спутник упал. Или американцы серверы отключили. Я сыну в Нижний дозвониться не могу, у него сегодня экзамен!

— Да ладно тебе, Галя, панику наводить, — вмешался третий, пожилой мужчина в старомодном кепи. — Придешь домой, письма напишешь. Как в старые добрые времена. Помнишь, конверт за восемь копеек?

Люди замолчали, примеряя на себя эту мысль. В этой ти-

шине было что-то детское, растерянное. Без привычной брони из наушников и спешащих шагов они казались беззащитными. Они смотрели друг другу в лица — не скользили взглядом мимо, а именно всматривались, словно искали поддержки.

Артем протиснулся к дверям магазина. На стекле висел клочок бумаги, вырванный из школьной тетради в клетку. На нем синей шариковой ручкой было размашисто написано: «БЕЗНАЛА НЕТ. ТОЛЬКО НАЛИЧНЫЕ».

Внутри магазина было темно — горела лишь одна дежурная лампа над кассой. Продавщица Люба, крупная женщина с высокими начесанными волосами, методично щелкала деревянными костяшками старых конторских счет. Артем даже замер на секунду — он думал, что такие счеты остались только в музеях или у бабушек в сундуках. Оказалось, нет. Они лежали под кассовым аппаратом, дожидаясь своего часа.

— Люб, ну запиши в тетрадку-то, — просила стоявшая впереди женщина, прижимая к груди буханку серого хлеба и пакет молока. — До зарплаты три дня осталось, наличных ни копейки, всё на карте. Ты же меня знаешь, я на почте работаю.

Люба вздохнула, поправила фартук и достала из-под прилавка толстую общую тетрадь в синей обложке.

— Знаю, Маш, как не знать. Твоя мать еще с моей в депо работала. Давай сюда хлеб... Записываю: Мария Егорова,

сто двенадцать рублей. Распишись вот тут.

Артем почувствовал, как в груди шевельнулось странное тепло. Этот простой, почти первобытный акт доверия — записать долг в тетрадку под честное слово — показался ему сейчас более прочным и надежным, чем все блокчейны и платежные системы мира вместе взятые.

— А у вас есть кофе? — спросил он, когда подошла его очередь.

— Растворимый только, в банке. И наличные нужны, молодой человек, — Люба посмотрела на него поверх очков. — Карты-то ваши теперь просто пластик.

Артем полез в карман. Среди чеков и старых ключей он нашарил смятую пятисотрублевую купюру — случайно осталась после поездки на такси еще в Москве.

— Вот, держите.

— О, наконец-то, — обрадовалась Люба, разглаживая купюру и убирая её в отдельный кармашек кассы. — А то весь день одна мелочь да долговые расписки, скоро мне коробку из-под обуви заводить придётся вместо кассы. Сейчас сдачу отсчитаю, мелочи у меня хватает. Ты откуда сам-то будешь? Не местный вроде. Из Москвы?

— Из Москвы, — кивнул Артем. — Приехал пожить в тишине.

— Ну вот и живи, — улыбнулась Люба, протягивая ему тяжелую стеклянную банку и горсть медных монет. — Тишины теперь у нас завались. Ешь — не хочу.

Часть 3. Вечерний свет

К вечеру город окончательно погрузился во тьму. Фонари на улицах не горели — видимо, автоматика, завязанная на единую городскую сеть, тоже дала сбой. Только в окнах домов горели теплые, неровные огоньки. Где-то светили свечи, где-то — старые керосиновые лампы, отыскавшиеся на чердаках.

Артем сидел у окна в своей квартире. Темнота за стеклом казалась бархатной и глубокой. Без электрического смога большого города небо над Юрьевым прояснилось, и на нем высыпали такие яркие, колющие звезды, каких Артем не видел с самого детства, когда гостил у бабушки в деревне под Рязанью.

Ему было не по себе. Внутри росла глухая, тягучая тревога. Он поймал себя на том, что каждые пять минут протягивает руку к телефону, берет его, нажимает кнопку разблокировки, видит темный экран и кладет обратно. Это было похоже на фантомный зуд в ампутированной конечности. Он не знал, чем занять свои мысли. Все его проекты, дедлайны, умные статьи и переписки в социальных сетях вдруг превратились в ничто, растаяли, как пар на морозе. Остался только он — Артем, тридцати двух лет, в пустой квартире чужого маленького города, наедине со своими мыслями.

А мысли были невеселыми.

Он вспомнил маму. Она умерла полтора года назад в больнице, в Подмосковье. Артем тогда горел на новой работе — запускал крупный стартап, спал по четыре часа в сутки, постоянно висел на созвонах. Когда мама звонила ему из больничной палаты, он часто раздраженно бросал в трубку: «Мам, прости, я на совещании, я перезвоню». И забывал. Или перезванивал через два дня, когда она уже спала после процедур.

Последнее её сообщение на телефоне, которое он так и не удалил, состояло из трех слов: «Тёмочка, как дела?»

Он ответил ей тогда коротким смайликом — поднятым вверх большим пальцем. Ему казалось, что так быстрее, современнее. А через три дня мамы не стало.

Сейчас, в этой густой, звенящей тишине юрьевской квартиры, этот желтый смайлик горел в его памяти как клеймо. Артем закрыл лицо ладонями. Ему вдруг стало так невыносимо, остро одиноко, что захотелось закричать. Вся его успешная, упакованная в красивые сторис жизнь показалась ему карточным домиком, который разлетелся от легкого дуновения ветра.

В дверь негромко, но настойчиво постучали.

Артем вздрогнул. Звук был реальным, физическим. Он отнял руки от лица, поднялся и пошел в прихожую, на ощупь обходя углы мебели.

— Кто там?

— Сосед снизу, Павел Петрович, — донесся из-за двери

тихий, простуженный голос. — Артем, сынок, ты дома?

Артем повернул защелку. На пороге стоял пожилой мужчина в накинутах на плечи старом драповом пальто. В руке он держал граненый стакан, накрытый куском картона, и незажженную свечу.

— Извини, сынок, что беспокою, — Павел Петрович неловко переступил с ноги на ногу. — У тебя спичек не найдется? Мои все отсырели, на балконе лежали. А плиту газовую разжечь не могу, автоподжиг ведь от розетки работает...

— Да, конечно, сейчас, — Артем засуетился, обрадовавшись этому простому делу. Он нашарил на полке в прихожей коробок спичек, купленный когда-то для свечей, чиркнул.

Желтый огонек выхватил из темноты лицо соседа — покрытое глубокими морщинами, с седыми пушистыми бровями и добрыми, какими-то очень усталыми глазами.

— Вот, держите, — Артем поднес спичку к фитилю свечи Павла Петровича. Огонек послушно переполз на воск, задрожал, отбрасывая длинные тени на стены подъезда.

— Ох, спасибо, милый, — выдохнул старик. — Спаси тебя Господь. А то сижу в темноте, как сыч. Радиоприемник мой старый, «ВЭФ», батарейки сдохли, новые в сельмаге не купишь теперь. Ты-то как тут? Не замерз?

— Да нет, тепло вроде, — Артем прислонился к косяку. Ему ужасно не хотелось, чтобы сосед уходил. Эта маленькая свечка между ними сейчас казалась единственным источником тепла во всей вселенной. — Павел Петрович... А может,

чаю? У меня плита тоже газовая, я спичками разжег. И кофе есть. Растворимый, правда.

Старик посмотрел на него, и его морщины вокруг глаз разгладились в теплой улыбке.

— А давай, сынок. Давай чаю. У меня вот и сухарики есть, с изюмом. Сам сушил.

Часть 4. Разговор в темноте

Они сидели на кухне Артема. Маленькая восковая свеча стояла в блюдце посреди стола, её пламя тихонько вздрагивало от сквозняка, шедшего от окна. Чайник на плите уютно ворчал, выпуская струйку пара.

Павел Петрович пил чай медленно, прикусывая сухарик и аккуратно лоя ладонью крошки.

— Я ведь, Артем, в этом доме со дня его постройки живу, — неторопливо рассказывал он. — Сорок лет уже. Раньше-то тут весело было. Двор зеленый, детишек полно. Вечером мужики в домино играли под липами, женщины на скамейках судачили. Все друг друга знали. Если у кого соль кончилась или, не дай Бог, беда какая — стучи в любую дверь, помогут. А сейчас...

Старик вздохнул, помешал ложечкой в чашке.

— Сейчас зайдешь в подъезд — все двери железные, замки в три оборота. Люди мимо идут, в эти свои коробочки светящиеся смотрят, даже не поздороваются. Будто и нет никого рядом. Каждый в своей норке заперся. Одиночество это, сынок. Самое страшное одиночество — когда людей вокруг полно, а поговорить не с кем.

Артем слушал, и каждое слово Павла Петровича отзывалось в нем глухими ударами.

— А у вас... дети есть? — тихо спросил он.

— Дочка есть, Маша, — лицо старика на мгновение осветилось какой-то далекой, нежной грустью. — В Питере живет. Замужем, двое внуков у меня там — Антошка и Аленка. Только редко звонят. Всё некогда им, понимаешь? Работа, учеба... Маша мне в прошлом году телефон этот купила, сенсорный. Говорит: «Папа, мы тебе туда фотки присылать будем, в Ватсап». Ну, присылают иногда. Посмотрю — вроде и рад, а вроде... как картинка из журнала. Голоса-то не слышно. Души не чувствуется.

Павел Петрович поднял глаза на Артема.

— Вот сейчас связь эта пропала... Я сначала испугался. Думаю, как же там они без меня? А потом подумал: может, оно и к лучшему? Молитва-то, она ведь без проводов работает. Я за них вчера весь вечер молился, перед иконой стоял. И так мне хорошо, спокойно на душе стало. Будто рядом они все, здесь, на кухне сидят.

Артем опустил голову.

— А я... я маме не звонил, когда она в больнице лежала, — глухо сказал он. Слова давались с трудом, словно он вытаскивал из себя тяжелые камни. — Всё некогда было. Работа, проекты... Смайлики посылал вместо слов. А теперь её нет. И я даже не знаю, простила она меня или нет.

Павел Петрович помолчал. Он не стал говорить дежурных утешительных слов, не стал читать нотации. Он просто протянул свою сухую, покрытую пигментными пятнами руку и мягко положил её на плечо Артема. Рука была теплой и уди-

вительно тяжелой.

— Простила, сынок. Материнское сердце — оно ведь как земля: всё примет, всё простит и травой зеленой покроет. Ты не плачь. То, что ты сейчас об этом думаешь, это ведь тоже молитва. Твоя душа проснулась, понимаешь? Болеть начала. А когда душа болит — значит, живая она. Значит, Бог в ней хозяйничает.

Артем сглотнул горький ком, подступивший к горлу. Он не заметил, как по его щеке покатилась одинокая горячая слеза, оставив влажный след в неверном свете свечи. Ему не было стыдно перед этим старым человеком. Наоборот, впервые за много лет он почувствовал себя на своем месте. Здесь, на этой темной кухне, с чужим дедом, под тиканье настенных часов.

Часть 5. Аналоговое утро

На второй день без интернета город начал жить по другим законам.

Артем проснулся рано, оттого что в окно светило яркое, по-зимнему холодное солнце. Он вышел на балкон. На улице было непривычнолюдно для такого раннего часа.

Дворники неторопливо скребли лопатами свежий снег. Около колодца во дворе — старого, деревянного, который все считали просто декоративным элементом — стояли три женщины с ведрами. Водопровод в некоторых домах тоже отключился из-за остановки насосов на станции, и люди вспомнили про этот старый источник. Они стояли, разговаривали, смеялись. Звук крутящегося ворота и всплеск воды в ведрах разносились по двору чисто и звонко.

Артем оделся и вышел на улицу. Ему хотелось двигаться, почувствовать этот новый, проснувшийся мир.

У ворот Георгиевского собора — древнего, белокаменного храма тринадцатого века, украшенного причудливой резьбой — стоял настоятель, отец Димитрий. Он был в старом подряснике, подпоясанном широким кожаным ремнем, и широкой деревянной лопатой счищал снег с паперти.

Артем остановился у ограды, разглядывая каменных зверей и птиц на стенах собора. Он жил здесь три недели, но ни разу не подходил так близко. Обычно он пробегал мимо,

уткнувшись в экран телефона, где читал новости о мировом искусстве, не замечая чуда, которое стояло прямо у него под носом.

— Доброе утро, молодой человек! — крикнул отец Димитрий, заметив его. Он воткнул лопату в сугроб и вытер пот со лба широким рукавом. — Что, тоже без связи маетесь?

— Доброе утро, — Артем подошел ближе. — Да нет... уже не маюсь. Даже как-то легче стало. Вчера вот с соседом своим познакомился, Павлом Петровичем. Чаю попили, поговорили. Давно так на душе спокойно не было.

— А, Петрович, — отец Димитрий кивнул, будто речь шла о старом знакомом, и неудивительно: в маленьком приходе все наперечет. — Хороший человек, только тоскует сильно после жены. Ну, рад за тебя, сынок.

Священник внимательно посмотрел на него умными, добрыми глазами.

— Вот и я о том же, — улыбнулся он. — Мы ведь как думали? Что проводами весь мир связали, и теперь мы все вместе, рядом. А оказалось — провода-то есть, а близости нет. Люди разучились в глаза друг другу смотреть. Всё через стекло, через экраны... А тут Господь раз — и выдернул вилку из розетки. Ну-ка, говорит, посмотрите друг на друга. Живые вы или как?

— А люди живые, — тихо сказал Артем, вспомнив вчерашний разговор с Павлом Петровичем.

— Живые, сынок, живые, — отец Димитрий вздохнул,

глядя на купола собора. — Только заспались немного. Душа-то — она ведь как ребенок: если ей внимания не уделять, она забивается в угол и молчит. А тут её растолкали. Ты вот что... помоги-ка мне снег дочистить, а? А то спина разболелась, а прихожане скоро на службу потянутся. Сегодня ведь суббота.

Артем растерялся.

— Да я... я не умею особо. И неверующий я, наверное.

Отец Димитрий весело рассмеялся, и этот смех эхом отразился от древних каменных стен.

— Да тут вера особо не нужна, тут лопату держать надо крепко! Держи инструмент. А вера — она ведь не в словах. Она в делах простых. Снег почистишь — вот тебе и вера.

Артем взял тяжелую деревянную лопату. Работа оказалась трудной — мокрый снег тяжело лип к дереву, мышцы с непривычки быстро заныли, а дыхание перехватило. Но с каждым броском, с каждым шагом по очищенной плитке он чувствовал, как из него выходят остатки той серой, липкой городской тоски, которая копилась в нем годами. Он чувствовал свое тело, чувствовал холодный воздух, вливавшийся в легкие, и это было прекрасно.

После работы отец Димитрий пригласил его в сторожку. Там топились небольшая печь, пахло ладаном, сушеными травами и свежим хлебом. Они пили горячий чай из простого металлического чайника.

— Ты вот что, Артем, — сказал священник, наливая ему

еще чаю. — Ты к соседу-то своему, Павлу Петровичу, заглядывай почаще. Он ведь совсем один остался после смерти супруги. Дочка в Питере, у нее своя жизнь... Ему ведь не помощь твоя нужна, ему слово твое нужно. Живое слово.

— Я зайду, — пообещал Артем. — Обязательно зайду.

Часть 6. Письмо

Вечером второго дня Артем снова пришел к Павлу Петровичу. Старик сидел за столом, на котором горела керосиновая лампа — её он отыскал в кладовке. Перед ним лежал чистый лист бумаги, вырванный из школьной тетради в линейку, и старая авторучка с потрескавшимся колпачком.

— Вот... написать хочу Маше, — неловко улыбнулся старик, заметив взгляд Артема. — Да пальцы не слушают совсем, дрожат. Да и слова какие-то... сухие получаются. Не умею я на бумаге-то выражать, что на душе. Раньше-то всё по телефону: «Привет, как дела, здоровы ли?» И всё. А тут ведь целое письмо надо...

Артем сел рядом.

— А давайте я запишу? Вы говорите, а я буду писать. У меня почерк хороший, разборчивый.

Павел Петрович посмотрел на него с благодарностью.

— Правда? Ох, сынок, выручишь... А то я уж извелся весь.

Артем взял ручку, придвинул к себе лист бумаги. Желтый свет керосиновой лампы мягко освещал белое поле листа.

— Ну, говорите, Павел Петрович. С чего начнем?

Старик задумался, глядя на огонек лампы. Его лицо в этот момент показалось Артему удивительно благородным, похожим на лица святых с древних фресок Георгиевского собора.

— Пиши, сынок... «Дорогая моя доченька Машенька. Здравствуйте все — ты, Сережа, Антошка и Аленушка». Записал?

— Записал, — Артем аккуратно выводил буквы.

— Пиши дальше... «У нас тут в Юрьеве связи нет уже второй день. Сначала думал — беда, а теперь вижу — милость Божия. Время появилось подумать, вспомнить всё. Я ведь часто лежу по ночам и вспоминаю, Машенька, как ты маленькая была. Как мы с тобой за грибами в лес ходили, и ты в большой луже сапог потеряла. Как ты плакала, а я тебя на плечах нес до самого дома, а сапог твой на палке тащил...»

Павел Петрович замолчал. В комнате было тихо, только тихонько, со свистом горел фитиль в керосиновой лампе.

— «Ты не думай, доченька, я не обижаюсь, что вы не звоните часто. Я ведь знаю, как вам там трудно, в большом городе. Работа эта, суета... Вы только берегите друг друга. Не теряйте душу в этих своих телефонах. Смотрите чаще в глаза друг другу. Жизнь — она ведь короткая, пролетит — не заметишь. А останется только то, как мы любили друг друга...»

Артем писал, и его рука чуть заметно подрагивала. Каждое слово этого старого человека падало в его собственную душу, заполняя те пустоты, которые раньше были забиты цифровым мусором. Он писал это письмо дочке Павла Петровича, но чувствовал, что пишет его и своей маме. И себе

самому — тому, прежнему Артему, который жил в суете и слепоте.

— «Я вас очень люблю, мои дорогие. Молюсь за вас каждый день. Приезжайте, как сможете. У нас тут тихо, хорошо. Снег выпал белый-белый... Твой папа».

Артем поставил точку. На бумаге остался ровный, красивый след синих чернил.

Павел Петрович бережно взял лист, аккуратно сложил его вчетверо и вложил в старый конверт без марки.

— Вот... завтра на почту отнесу, — тихо сказал он. — Там Маша Егорова с почты обещала отправить с машиной, которая в Питер ходит. Спасибо тебе, Артем. Ты мне как внук стал за эти дни.

Артем посмотрел на него и вдруг понял, что это правда. Ему больше не было одиноко. В этой маленькой, пропахшей сушеными яблоками комнате, рядом с этим старым человеком, он обрел то, что тщетно искал в тысячах подписок и лайков — настоящую, невыдуманную близость.

Часть 7. Сигнал

Связь вернулась на третий день, в воскресенье, ровно в полдень.

Артем сидел на кухне и чистил картошку — он обещал Павлу Петровичу приготовить обед. Вдруг в комнате раздался тихий, подзабытый звук. На роутере вспыхнул и суетливо замигал зеленый огонек.

Через секунду телефон в кармане задрожал, задержался, как сумасшедший. Посыпались уведомления.

«У вас 412 новых сообщений в Telegram».

«Слава (арт-дир): Тёма, ты где пропал?! Срочно выйди на связь!»

«Клиент: Приняли правки, нужно сдать до вечера».

«Подписки: 15 новых видео...»

«Новости: В мире произошло...»

Экран мерцал, захлебываясь от чужих слов, картинок, новостей и требований. Этот цифровой поток хлынул в его жизнь, пытаясь снова заполнить её до краев, подмять под себя, заставить бежать, суетиться, отвечать, соответствовать.

Артем посмотрел на экран. Минуту назад этот прибор казался ему самым важным в жизни. Теперь же он вызывал у него легкую усталость и даже безразличность.

Он не стал открывать рабочий чат. Он не стал читать новости.

Он аккуратно нажал кнопку сбоку, переводя телефон в режим «Не беспокоить», и положил его экраном вниз на стол. Экран угас, превратившись в черное зеркало, в котором отражался теплый луч зимнего солнца.

Артем подошел к окну. Там, внизу, у ворот Георгиевского собора, люди уже не смотрели в телефоны. Они стояли группами, разговаривали, поздравляли друг друга с воскресным днем. Мир вернулся в свое привычное русло, но в этом русле что-то изменилось. Словно люди, однажды заглянув в глубину тишины, унесли с собой по капельке этого чистого, неземного света.

В тишине подъезда раздался знакомый звук — этажом ниже скрипнула тяжелая дверь, и послышались медленные, чуть шаркающие шаги Павла Петровича, начавшего спускаться к выходу.

Артем улыбнулся, положил кухонное полотенце на стол, быстро накинул куртку и выбежал на лестницу. Он нагнал старика на площадке второго этажа. Павел Петрович остановился, повернулся и тепло улыбнулся, бережно показывая аккуратно сложенный белый конверт.

— Ну что, сынок, — негромко сказал он. — Пойдем наше письмо отправлять? Пока почта не закрылась.

— Пойдемте, Павел Петрович, — ответил Артем.

Они вышли на улицу и вместе пошли по сырому, плотному снегу, успевшему лечь за эти дни на улицы города. Они неторопливо говорили о самых простых вещах: о покупках

в «Ромашке», о сушеных грибах и о вечернем чае. И эти их голоса — живые, близкие, облачками пара тающие в морозном воздухе — казались сейчас Артему самым важным и надежным звуком во всем огромном, вновь подключенном к сети мире.

Конец

ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА

Сургуч пахнет гарью и старыми библиотеками. Этот запах Антонина помнила с детства, когда прибегала к матери на работу в старое, еще дореволюционной постройки, почтовое отделение с высокими сводчатыми окнами. Теперь окон тех давно не было — их заложили кирпичом наполовину еще в семидесятых, оставив узкие, похожие на амбразуры проемы, а вместо дубового паркета положили серый шербатый линолеум, который зимой всегда пах сырой хлоркой.

Антонине шел пятьдесят четвертый год. Тридцать из них она разносила почту. Ее пальцы, загрубевшие от постоянного контакта с дешевой газетной бумагой и жестким картоном бандеролей, умели вслепую, на ощупь, отличать квитанцию на пенсию от рекламного буклета. За эти тридцать лет мир вокруг изменился до неузнаваемости: исчезли треугольные синие конверты авиапочты, почти перестали приходить открытки к Первомаю и Новому году с нарисованными румяными дед-морозами, а тяжелую кожаную сумку всё чаще наполняли безликие извещения из налоговой и глянцевые каталоги дешевой одежды.

Но в тот вторник всё пошло не так.

В почтовом отделении затеяли ремонт — первый за последние сорок лет. Рабочие в заляпанных побелкой комбинезонах с грохотом отрывали от стен старые фанерные пане-

ли, за которыми годами скапливалась серая, невесомая пыль. Антонина стояла у сортировочного стола, перевязывая шпагатом пачку местных газет, когда один из рабочих, парень с татуировкой на предплечье, крикнул:

— Слышь, Петровна! Тут у вас клад, похоже. Между стеной и простенком застряло.

Антонина подошла, вытирая руки о синий рабочий халат. В нише, куда раньше уходила труба старого отопления, лежал плотный сверток, перевязанный заскорузлой, почти окаменевшей бечевкой. Бумага свертка — толстая, оберточная — лопнула по бокам, и оттуда виднелись углы пожелтевших конвертов.

— Это что же... — тихо сказала Антонина, протягивая руку. — Провалились, видать. Щелка-то вон какая была у старого стола.

Она принесла сверток к себе, положила на чистый край стола и аккуратно, стараясь не порвать, перерезала бечевку канцелярским ножом. Внутри лежало одиннадцать писем. Все они были датированы концом ноября — началом декабря тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года. Ровно сорок лет назад. Конверты покрылись густым налетом времени, марки с изображением серпа и молота и портретами космонавтов поблекли, а чернила — фиолетовые, написанные еще перьевыми или ранними шариковыми ручками — местами выцвели до прозрачности.

— Письма... — прошептала вошедшая в комнату заведу-

ющая, молодая женщина по имени Марина, у которой на губах вечно блестел гигиенический вазелин. — Ой, Антонина Петровна, выбросите вы их. Кому они сейчас нужны? Столько лет прошло. Адресатов небось и в живых-то нет. Напишите рапорт, что уничтожено при ремонте как неэксплуатированное.

Антонина посмотрела на верхний конверт. На нем аккуратным, «учительским» почерком с сильным наклоном было написано: «Куда: г. Зареченск, ул. Зеленая, д. 14, кв. 3. Кому: Воронову Семену Петровичу».

— Нет, Мариночка, — негромко, но твердо ответила Антонина. — Выбросить — это легко. А люди, может, всю жизнь ждали.

— Да бросьте вы, — фыркнула Марина, утыкаясь в телефон. — Какая жизнь? Сорок лет! Тогда еще Горбачева не было. Забудьте.

Но Антонина не забыла. Она аккуратно сложила письма в пакет, убрала на дно своей рабочей сумки и весь день, разнося квитанции под мелким, назойливым ноябрьским дождем, чувствовала спиной их странную, теплую тяжесть.

Вечером дома Антонина долго не зажигала верхний свет. Она жила одна в двухкомнатной хрущевке на окраине города. Дочь Вера три года назад уехала в Москву, зацепилась там за какую-то работу в торговом центре, звонила редко — обычно по воскресеньям, торопливо, на ходу рассказывая о распродажах или новых фильмах. Разговор всегда заканчи-

вался одинаково: «Ну ладно, мам, побежала я. Целую». После этих звонков в квартире становилось еще тише, и Антонина подолгу смотрела на старый фикус у окна, который никак не хотел давать новые листья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.